

отчужденность «глубинного Я» человека от реального мира, как базовый механизм его существования, что вызывает массу экзистенциальных, психологических и социальных проблем.

Список литературы

1. Баева Л.В. Экзистенциальные риски информационной эпохи // Информационное общество. 2013. № 3. С. 18–28.
2. Баева Л.В. Виртуальная коммуникация: классификация и специфика // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. № 4–1. С. 5–10.
3. Баева Л.В. Информационная эпоха: метаморфозы классических ценностей. Астрахань : Астраханский ун-т, 2008.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2000. - 606 с.
5. Кубышкин С.А. Виртуальная реальность как социокультурный феномен // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2013. № 2. С. 37–40.
6. Ляшенко Ю.А. Отчуждение человека в виртуальной реальности: основные формы и особенности. С. 50–54.
7. Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 23–34.
8. Фромм Э. Отделение от себя // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. С. 97–104.

References

1. Baeva L.V. Existential risks of the Information Age // Information Society № 3 2013 p. 18-28.
2. Baeva L.V. Virtual communication: classification and specificity // Math. Sarat. Univ new. Ser. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2014. №4-1. S. 5 - 10.
3. Baeva L.V. Information Age: the metamorphosis of the classic values / LV Baev. - Astrakhan: Astrakhan University, 2008.
4. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture: Per. from English. M. : Higher School of Economics, 2000. - 606 p.
5. Kubyskin SA Virtual reality as a sociocultural phenomenon // Bulletin of the Maikop State Technological University. 2013. №2. S. 37-40.
6. Lyashenko Y.A human alienation in virtual reality: the basic shape and features / YA Lyashenko. - S.50-54.
7. Trufanova E.O. man in a maze of identities // Problems of Philosophy. 2010. № 2. S. 23-34.
8. Fromm E. Separation from himself // The crisis of consciousness: a collection of works of «the crisis of philosophy.» M. : Algoritm, 2009. P. 97-104.

РОЛЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Руженцев Сергей Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент
Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко
Россия, 394036, г. Воронеж, ул. Студенческая, 10
E-mail: rsevrn@gmail.com

В статье представлен философско-этический анализ влияния моральных ценностей и норм на социально-экономическую жизнь общества. Проводимые российским руководством реформы привели к стремительному краху всей прежней системы ценностей. Новые моральные ориентиры в социально-экономической сфере увязывались не с опытом и традициями развития страны, а с абстрактными идеологиями. Власть в очередной раз стала противопоставлять себя обществу, навязывая те нормы и ценности, которые считались нужными и оптимальными для неё. Человеческий фактор и этические регуляторы поведения оказались отброшены. Навязываемые ценности рассматривают человека как средство достижения целей и выгоды, искажая представления о благе, справедливости и равенстве. Без внимания к моральным требованиям и нормам невозможно долгосрочное и устойчивое возрастание социального богатства, создание общего блага. Сложившееся положение иначе как эклектикой ценностных ориентаций трудно назвать. Саморефлексии личности противостоит агрессивность ценностей массовой культуры, в которой на видном месте не находится человек труда и его созидательная деятельность с ориентацией на справедливость, долг, честность и другие моральные ценности. Гипертрофированная роль денег и потребления только порождают суррогатную общественную мораль, деформируют политическую деятельность, нивелируя значимость честности, ответственности, взаимопомощи, создавая возможности для злоупотребления властью. Обращение к моральным ценностям призвано обеспечивать диалог между социальными слоями, устойчивость социальной структуры, гармонию индивида с окружающим миром. Без достижения общих подходов, моральных оценок по имеющимся проблемам достичь единого социального консенсуса крайне затруднительно.

Ключевые слова: мораль, моральные ценности, социально-экономические отношения, традиции, справедливость, рыночные реформы, мотивация, потребление, ценностные ориентации, общественное благо

**ROLE OF MORAL VALUES IN THE PRACTICE
OF MODERN RUSSIAN SOCIO-ECONOMIC RELATIONSHIPS**

Ruzhentsev Sergey E., Ph.D. (History), Associate professor
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
10 Studencheskaya Str., 394036, Voronezh, Russia
E-mail: rsevrn@gmail.com

The article presents philosophical and ethical analysis of the influence of moral values and norms on socio-economic life of the society. The reforms, pursued by the Russian leaderships led to a rapid collapse of the whole former system of values. New moral compass in the socio-economic sphere is not aligned with the experience and traditions of the country development, but with abstract ideologies. The authorities again began to oppose the society, imposing those norms and values that were considered necessary and optimal for them. Human factors and ethical regulators of conduct were dropped. Imposed values consider the person as a means to achieve goals and benefit the plants, distorting notions of good, justice and equality. Without attention to moral requirements and standards there cannot be long-term and sustainable increase in social wealth, the creation of the common good. The situation is difficult to call otherwise as eclectic value orientations. The reflection of the personality resists the aggression values of mass culture, which prominently are not the working man and his creative activity with the focus on equity, duty, honesty and other moral values. The exaggerated role of money and consumption only generate a surrogate public morality; distort political activities, reducing the importance of honesty, responsibility, mutual assistance, creating opportunities for abuse of power. Appeal to moral values is designed to ensure dialogue between the social layers, the stability of the social structure, and the harmony of the individual with the surrounding world. Without reaching common approaches, moral evaluations on existing problems to achieve a common social consensus is extremely difficult.

Keywords: morality, moral values, socio-economic relationships, traditions, justice, market reforms, motivation, consumption, value orientations, public good.

Десятилетие 90-х годов XX в. стали временем кардинальных подвижек всей системы морально-нравственных ценностей, вызвав существенную социальную напряженность, обусловленную демонтажом прежних советских экономических отношений и внедрением либерально-рыночных. Во главе угла всей социально-экономической сферы теперь стали постмодернистские ценности открытого рынка, права человека и либерально-демократическая политика. На их основе, как представляли реформаторы, можно было разрушить «пагубное» советское наследие, сформировать социокультурные основания западного типа, создать общество потребления, включенное в глобальный рынок, провести «разгосударствление» общества, что должно было повысить конкурентоспособность России в мире.

Российское руководство избрало стратегию проведения необходимых реформ «сверху», аппаратным способом, с целью максимального сближения с Западом посредством включения в общемировые экономические и политические отношения через радикальные рыночные реформы. Радикальность действий ельцинских реформаторов диктовалась падением производственной дисциплины, разрывом хозяйственных связей, бартеризацией экономических отношений, исчерпанием валютных и товарных запасов, дезорганизацией финансовой системы. Происходил стремительный крах всей прежней системы ценностей, что дополнительно отбрасывало потребность моральных регуляторов и ограничителей. Да и в обществе были достаточно сильные надежды на быстрое улучшение жизни в результате радикальных рыночных реформ в экономике.

В социально-экономической сфере постепенно стал набирать силу культ потребления. Вместо социальной справедливости и гармонии общественных отношений политические лидеры взяли курс на рынок, который объявлялся главной целью. Фактически, этот курс не имел под собой общезначимых нравственных принципов, которые могли бы объединить всё общество и добиться реализации цивилизационных задач. Задавалась новая система координат в традиционном отчуждении власти и общества, так как рыночные реформы никак не были связаны с экономическими и иными интересами простого гражданина, кроме возвращаемого «морального индивидуализма», освобожденного от любых условностей и ограничений ради собственного процветания. Поэтому сердцевинной морали становилась экономическая целесообразность. Как отмечает В.Н. Шевченко, камнем преткновения реформаторов стало отношение к обществу, поскольку «в объявленной модели модернизации обойдены самые важные моменты, касающиеся состояния российского социума, путей его трансформации, участия различных сегментов общества в его трансформации. Многие радужные картинки будущего в этой модели модернизации не увязаны с реальным состоянием российского социума» [13, с. 124]. То есть новые моральные ориентиры политической практики в социально-экономической сфере увязывались не с опытом и традициями прошлого развития страны, а с абстрактными идеологемами либерального будущего.

Следует признать, что преобразования 1990-х годов шли в разрыв существовавших традиций, ценностных установок и моральных принципов большинства общества, отражая своеобразную борьбу политического курса Ельцина с советским антирыночным менталитетом. Власть в очередной раз стала противопоставлять себя обществу, навязывая своей политикой те нормы и ценности, которые считались нужными и оптимальными для неё. Считалось, что сами структурные преобразования и рынок обеспечат, чуть ли не автоматически, модернизацию общества и эффективность экономики. Человеческий фактор и этические регуляторы поведения оказались отброшены. Выдвинутые политические цели оправдывали действия политиков, которые трудно расценивать как сбалансированные, прагматические, соответствующими моральным установкам большинства российского общества.

Так, либерализация цен при наличии существенной несбалансированности рынка не могла не вызвать стихийное и скачкообразное повышение всех цен. Ведь политический курс обуславливался искаженным (нерыночным) принципом формирования как цен, так и наличия поддерживаемых убыточных производств. Однако прежняя монополия государства по формированию цен оказалась передана имевшимся монопольным структурам в промышленности, торговле и внешнеэкономической деятельности. В результате одна форма монополизма была заменена другой. Они пытались выбивать средства из государственного бюджета в виде кредитов, госзаказов, дотаций. То есть практические действия правительства «реформаторов» вступали в открытое противостояние с интересами и моральными установками хозяйствующих субъектов, позволяя говорить об иррациональном характере экономической политики.

Российские власти в 1990-е гг. видели в качестве столбовой дороги, которая внедрялась настойчивыми действиями и решительным преодолением традиционных связей и моральных норм, западную социально-экономическую модель. Поэтому был взят радикальный курс на массовую приватизацию. Однако даже известный финансист Дж. Сорос, размышляя об отличии рыночных ценностей от социальных, отмечает, что «рыночные фундаменталисты склонны пренебрегать социальными ценностями, утверждая, что каковы бы они ни были, они проявляются в поведении на рынке. К примеру, если люди хотят заботиться о других людях или защитить окружающую среду, они способны выразить свои чувства, потратив деньги на соответствующие цели, а их альтруизм станет частью ВВП точно так же, как потребление предметов роскоши» [12, с. 223]. Очевидно, что такая позиция не только узкоутилитарна и ошибочна, но и аморальна, поскольку освобождает политика от ответственности ради экономической целесообразности. Но именно таковыми оказались действия российских реформаторов.

Приватизация таила в себе глобальную проблему для общества. Имело место фетишизация рынка, способного самостоятельно регулировать общественные отношения. При этом отдавался приоритет индивидуальной собственности перед любыми коллективными формами хозяйствования. Вопрос о справедливости такого подхода или соответствия представлению большинства людей о справедливости совершенно не поднимался. Принудительная кампания чековой приватизации не предполагала выпуск именных чеков и предварительное развитие рынка ценных бумаг в стране. Отчего процесс принял номинальный характер и не способствовал созданию обширного слоя собственников в российском обществе, являющегося в западном обществе основой среднего класса. По сути, аморальными действиями ряда политических деятелей была произведена безвозмездная раздача огромного богатства, создававшегося многими поколениями россиян. На деле произошло закрепление контроля над бывшей госсобственностью со стороны администрации предприятий и «теневого капитала». Бюрократический аппарат управления оказался в таких условиях ориентирован на присвоение административной ренты, что ещё сильнее вызвало диссонанс между политикой и моралью.

Не удивительно, что рыночные реформы вызывали неоднозначную оценку со стороны граждан. Е. Гайдар и его либеральные сторонники считали своей заслугой либерализацию ценообразования и внешней торговли, масштабную приватизацию предприятий, наполнение рынка товарами, внедрение рыночных отношений. Можно сказать, что политикам удалось разблокировать кризисную ситуацию, сложившуюся в стране в 1991 г. Однако цена реформ оказалась непомерно высока, а их издержки не могут быть признаны морально приемлемыми. Фактически реформаторы в своих действиях намеренно не учитывали имевшиеся социальные проблемы и необходимость регулирования социальных отношений для обеспечения консенсуса в обществе. Нараставшее ухудшение в положении образования, здравоохранения и культуры говорило о пренебрежительном отношении к любым социальным вопросам.

Политику, проводившуюся российскими властями в 1990-е гг., никак нельзя назвать инновационной, структурной, нравственной. Ускоренное внедрение рыночных отношений только усиливало противоречивость общественного сознания россиян, вызвав моральную дезориентацию. Ведь навязываемые либеральные ценности рассматривали человека как средство

достижения целей и выгоды, искажая представления о благе, справедливости и равенстве и способах их осуществления. Как справедливо отмечает Б.В. Салихов, либерально-рыночная идеология политического курса реформаторов повлияла на специфику ценностных представлений и ориентаций в обществе. Произошла актуализация денежного измерения социальных интеракций, вызвав стремление к эквивалентному обмену в ходе любых взаимодействий, падению актуальности человеческих отношений на фоне воинствующего индивидуализма [11, с. 38]. А поскольку отсутствовали традиции уважения права собственности, доверия и сотрудничества между экономическими агентами, понимание логики конкурентных отношений широкое общественное сознание искажённо воспринимало рыночные установки.

Игнорирование моральных критериев и оснований в проводимой российскими лидерами политической линии не могло не отразиться на результативности провозглашённых реформ. Как справедливо отмечает А.А. Гусейнов, «место морали в рыночной экономике прежде всего на уровне правил, а не индивидуальных мотивов поведения. Моральное регулирование рынка обществом осуществляется главным образом в процессе выработке тех общих обязательных для всех правил (законов, норм и т.д.), которые строго описывают границы дозволенного и недозволенного в конкурентной борьбе, обозначают её внутреннее пространство. ... Экономика... является вторичным, производным от социальных и нравственных целей общества» [4, с. 199]. Заметим, что Россия вошла в рынок не имея массового мелкого производителя. А считать, что вся старая хозяйственная номенклатура была противником рыночных преобразований, является ошибочным, поскольку она лучше была подготовлена к использованию сложившейся ситуации и рыночных механизмов в своих интересах.

Следует отметить, по причине слабости моральных регуляторов, руководство страны принимает порой ряд мер, которые были далеки от моральных требований. Поэтому неслучайно целый ряд западных исследователей скептически оценивали результаты и эффективность реформирования в 1990-е гг. российской экономики и социально-экономических отношений [15–17]. Такая оценка, несомненно, имела серьезные основания. Дело в том, что государство самоустранилось от функций регулирования как рынка, так и социальных отношений, оставив за собой функции распределения финансовых ресурсов. И так как на протяжении 1990-х гг. проводившейся политикой не удавалось преодолеть кризис, постоянный рост инфляции вызывал удорожание стоимости жизни, бросая целые слои общества на произвол судьбы и самовывживание, что давало дополнительные основания для критики власти и морального осуждения её политики в сфере социально-экономических отношений.

Президент Б. Ельцин, взяв на себя ответственность за проводимые реформы, обещал, что всем будет хуже примерно полгода, а потом наступит стабилизация. На деле, в течение почти десятилетия происходила мучительная агония госсектора экономики и прежних социально-экономических отношений. Поскольку отсутствовала чёткая моральная шкала у политического курса следствием стало формирование рыночного механизма не в сфере производства, а в сфере финансового обращения и биржевой деятельности. Денежно-финансовая мотивация на основе принципа сиюминутной выгоды определяла поведение людей. А это не могло не исказить представления о должном, различие добра и зла, затрудняя возможность принятия адекватных коллективных решений, отвечающих интересам широких слоёв общества. И.Н. Дёмин отмечает в этой связи: «...Чтобы рынок был по-настоящему свободным, ему необходимы нравственные устои. Подлинно свободный (рынок совершенной конкуренции) рынок способствует укреплению нравственности. В действительности, это показывает и опыт России, и других стран, рынок – не гарант достижения высокой нравственности» [5, с. 127]. Действительно, рыночные реформы выкашивали высококвалифицированные кадры во многих производственных отраслях, что привело к росту непрофессионализма и кадровому голоду уже в 2000-е гг. Хотя либеральные реформы и не смогли вывести российское общество из кризиса, их радикальность обеспечила изменение социальных отношений, сделав их необратимыми по существу, чему в немалой степени способствовала дисперсия моральных норм и принципов.

Современная рыночная модель не требует устойчивых связей между людьми для выживания индивида, создавая иллюзорное чувство обособленности от общества, что не может не порождать кризис в исполнении требований общественной морали, что сказывается на особенностях общественного сознания, усиливая конфликтность во взаимоотношениях различных социальных субъектов [9, с. 178–179]. Поэтому без учёта моральных факторов справедливости, традиций равенства и коллективизма, отсутствия необходимых структурных элементов, контроля за приватизационными фондами, прозрачности залоговых аукционов и много другого невозможно было обеспечить признания обществом процессов приватизации. Получилось, что основным мотивом приватизации стало пополнение бюджета, что превратило её в «законный» способ растаскивания государственного имущества и в довесок к налоговой

системе для латания бюджетных дыр. При этом приватизация автоматически сократила права трудовых коллективов в вопросе контроля за собственностью и деятельностью администраций своих предприятий, отбросив саму идею социального партнёрства. А поскольку над приватизируемым имуществом устанавливался менеджерский контроль, происходит отделение предпринимательских функций от собственности.

Лишь в 2000-е гг. политические лидеры страны стали вспоминать про моральные ограничители своих действий, связанные с этикой ответственности и принципом наименьшего зла. И если этика убеждений определяла поступки в соответствии с должным, то теперь уже возросло значение этики ответственности, предполагающей расплату за «предвидимые» последствия действий [3, с. 697]. Игнорирование этических норм в сфере социальных отношений грозило не только утратой адекватности всей экономической политики, но и необратимыми последствиями для российского общества и потерей суверенитета. Поэтому попытки слома олигархической модели экономики и ограничение возможностей влияния бизнес-акул на политический курс власти было лишь нацелено на внедрение неких обязательных этических правил для власти и предпринимателей. Это давало возможность на упорядочивание в перспективе социальных отношений в российском обществе.

Несомненно, требования морали предполагают рациональные действия. Однако неизбежно возникают дилеммы между добром и злом и оценки осуществлённого поступка. Ведь, как отмечал Дж. Мур, «всё, что сделала и может сделать этика, состоит не в определении безусловных обязанностей, а в указании того, какая из нескольких альтернатив, возможных в данных условиях, приведёт к лучшим последствиям» [7, с. 34]. Возникает противоречие между экономической рациональностью, связанной с рыночной эффективностью и максимизацией прибыли и нравственной ориентацией, отвечающей запросам большинства граждан.

Этическая ориентация социально-экономической политики требовали выработки таких общественных ценностей, которые могли бы являться своеобразным моральным стандартом современного российского общества. А это лишь создает требование использования традиций патернализма, равенства, коллективизма для обеспечения гармоничного модернизационного развития. Ведь насильственное разрушение ментальных установок может только вести к коррозии моральных ценностей, дезориентировать общество, вызывать его раскол. Моральные коллизии, связанные с противоречивым восприятием и искажённым пониманием рыночных ценностей, требовали пересмотра социальной политики для последующей корректировки социально-экономических отношений и использования такого человеческого капитала, который обладает не только соответствующим квалификационным уровнем, но и своими действиями не разрушает сложившуюся систему отношений, норм и ценностей.

Можно со всей очевидностью отметить возросшую актуальность проблемы социальной справедливости, которая во многом определяет оценки политической власти, её лидеров, обеспечивая их легитимность. Современная западная мысль склоняется к доктрине социального контракта для обеспечения взаимной выгоды, что широко влияет на политическую жизнь, поскольку влияет на равновесие между локковскими естественными правами и Кантианским моральным выбором [18, р. 14–80]. Именно коммунитарстский взгляд позволяет оценивать с позиций прагматического гуманизма результаты политики и политической деятельности, соответствие моральным нормам. Однако реализация подобного подхода для обеспечения справедливости в социально-экономической сфере крайне проблематична в силу расхождения в понимании самой меры социальной справедливости и реальной политикой.

В современной, постиндустриальной экономике, как известно, возрастает роль человека и социальных факторов, которые связаны с обеспечением условий его творческой деятельности, качеством жизни, информационными потоками. Сознательная воля индивида нуждается в моральных регуляторах, позволяющих оценивать роль институтов общества по созданию благоприятных условий для экономической деятельности, возможностей самореализации творческих способностей, понимания целей общественного развития.

Кроме того, необходимо учитывать, что негативная оценка социально-экономической политики во многом оправдана тем, что традиционно в российском обществе оценки социальной справедливости определялись на плоскости экономических отношений, в традициях эгалитаризма. Однако в современных условиях так и не обозначены формально ценностные ориентиры справедливости и процедуры их реализации [10, с. 154–155]. Ведь данные проблемы могут рассматриваться с морально-этических, правовых и социально-экономических позиций, которые задаются ценностными представлениями. А они за годы реформ претерпели разнонаправленную модификацию. С одной стороны, уменьшился слой тех людей, кого реально можно отнести к среднему классу. Однако выросла индивидуальная экономическая деятельность. С другой стороны, трудно увеличить качество трудовой деятельности и жизни работника при

сохранении низкого уровня заработной платы. Отчего борьба с бедностью, являющаяся основной социальной политикой российского государства, не может снять социальное напряжение в обществе, тем более что сверхдоходы богатого слоя ничем не ограничены и не могут не воспроизводить патерналистских ожиданий и идеи уравнительного равенства. Социальная справедливость должна обеспечивать диалог между социальными слоями, возможности реализации мобильности, устойчивость социальной структуры, гармонию индивида с окружающим миром, определение границы моральной и юридической свободы, возможность распределения жизненных благ на основе потребительской силы труда. Без достижения общих подходов, моральных оценок по имеющимся проблемам достичь единого консенсуса затруднительно.

Существует и необходимость учёта превалирующей в обществе системы ценностей. Ведь без внимания к моральным требованиям и нормам невозможно долгосрочное и устойчивое возрастание социальных благ, являющихся основой в содействии по созданию общего блага. А это требует равновесия личных предпочтений и устремлений с общественными потребностями социума. Однако в России при существовании завышенных ожиданий и депрессивных состояний длительный период культивировались потребительские настроения, что порождает россиянам видеть в друг друга конкурентов, которые могут, согласно либеральному взгляду, добиться справедливости и равенства на основе стремления к благосостоянию. Неслучайно Ж. Бодрийяр расценивает общество потребления как общество самообмана, в котором «счастье» людей измеряется благосостоянием и вещами, обеспечивая их равенство перед ними. А поскольку прежний моральный закон конкурентного капитализма не работает в условиях монополистического и государственно-бюрократического контроля, над обществом, поглощенным индивидуализмом, устанавливается государственное принуждение, опирающееся на альтруистическую идеологию [1, с. 74, 114]. Минимизация различий между индивидами и определенность отношений между ними компенсируется знаками участия, доброжелательности, усреднённости моральных норм и требований к человеку, что снижает уровень духовных ценностей и усиливает культ гедонизма. Потому-то следствием насаждения идеи общества потребления может быть только духовный кризис общества. Ведь происходит заметная «абберация» сознания индивида, оценивающего собственные достижения и положение как мираж, сравнивая их с другими людьми. Оттого статусное положение, обладание какими-либо вещами или символами становятся мнимым общепринятым стандартом в таком обществе.

Сами сложившиеся условия диктуют нравственную корреляцию социально-экономических отношений в соответствии с реальными и действительными интересами большинства людей. Ведь идеи потребительского характера, несмотря на их деструктивную сущность, являются привлекательными для части российского общества, отражая девальвацию роли института моральных авторитетов, отождествление добра и пользы, отказ от моральной императивности, стремление оправдывать использование других людей для достижения своих целей. Поэтому С.В. Бойко и А.М. Магомедова справедливо замечают, что «без развития духовно-нравственной составляющей общества всякое экономическое развитие будет превращаться в дегуманизацию социальных отношений, в безудержное потребление духовно пустых оболочек товаров, в бесконечное насыщение материальными наслаждениями» [2, с. 1273]. И в этом немаловажную роль призвана сыграть поддержка государством и политическими лидерами определённых морально-этических ценностей, которые могли бы выступать в качестве образцов подражания и влияющих на культуру потребления. Это предполагает отказ от потребительской гонки, от демонстративного потребления, социальную ответственность бизнеса и пр.

Однако за годы реформ у россиян сложилась поливариативность функционирования нравственных ценностей с приоритетом личных интересов и доминированием прагматизма. Сложившееся положение иначе как эклектикой ценностных ориентаций трудно назвать. Саморефлексии личности противостоит агрессивность ценностей массовой культуры, в которой на видном месте не находится человек труда и его созидательная деятельность с ориентацией на справедливость, долг, честность и другие моральные ценности. С одной стороны, либеральные идеологи отмечают, что в социально-экономических отношениях сильны старые стереотипы болезни «homo soveticus» и существенное распространение либеральных ценностей среди молодёжи при недостаточной солидарности, гуманности, терпимости [14, с. 64]. С другой стороны, имеется пристальное внимание исследователей к моральным ориентирам и ценностям, составляющих основу трудовой этики. Ими отмечается, что получила распространение неформальная экономика и теневая деятельность, корпоративный характер отношений. В самом трудовом поведении работника имеют место карьеризм, некомпетентность, бедность ролевой системы и другие деформации. В результате трудовые ценности россиян оказываются искажёнными, ориентированными на то, чтобы меньше работать и больше получать, соединяя

в себе индивидуальные притязания, не всегда подкреплённые волей, знаниями, работоспособностью [6; 8].

Тем не менее, на протяжении всего периода реформирования социальных отношений сохранялось противоречие между запросом на активность и самостоятельность человека, необходимых для рыночной экономики, и отсутствием деловой этики, привычки к интенсивному труду, приверженностью к уравниловке. Во многом это определялось западными стандартами потребления и высоким уровнем образования, ведя к несоответствию имеющихся форм общественного сознания процессам реформирования и ослаблению моральных регуляторов поведения.

Стоящие проблемы в социальной сфере только подчёркивают кризис нелиберального подхода, по которому экономический интерес индивида детерминирует его деятельность, направленную на обеспечение максимального удовлетворения своих потребностей при минимизации трудовых затрат и издержек. Гипертрофированная роль денег и потребления только порождают суррогатную общественную мораль, деформируют политическую деятельность, нивелируя значимость справедливости, честности, ответственности, взаимопомощи, создавая возможности для злоупотребления властью и игнорирование ею моральных требований. Поэтому политики должны осознавать и понимать важность того, что и работники, и предприниматели нуждаются во взаимоприемлемых принципах, которые играли бы роль моральных ограничителей и регуляторов для социально-экономической сферы, имеющих характер и статус универсальных норм для социума, и обеспечивающих ответственность власти и политиков за процветание конкретного человека и всего общества.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры: Пер. с фр. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
2. Бойко С.В., Магомедова А.М. Нравственно-этические программы современного общества потребления // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 6. С. 1272–1276.
3. Вебер М. Политика как призвание и профессия // *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
4. Гусейнов А.А. Мораль и рынок // *Культура российского предпринимательства* / Отв. ред. Н.А. Кормин. М.: ИФРАН, 1997. С. 189–199.
5. Демина И.Н. Ценности рыночной экономики как «ядро» экономической массовой коммуникации // *Известия Иркутск. гос. экономич. академии*. 2013. № 2. С. 124–128.
6. Магун В.В. Как менялись российские трудовые ценности // *Отечественные записки*. 2007. № 3. С. 98–117.
7. Мур Дж. Принципы этики: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1984. 327 с.
8. Рассадина Т.А. Трансформации традиционных ценностей россиян в постперестроечный период // *Социологические исследования*. 2006. № 9. С. 95–101.
9. Руженцев С.Е., Смирнов А.В. Дуализм политической культуры России // *Демократия: конфликтность и толерантность* / Под ред. В.С. Рахманина. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. С. 173–186.
10. Руженцев С.Е. Этические проблемы социально-экономических отношений современной России // *Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований*. 2015. № 18. С. 154–158.
11. Салихов Б.В. Духовно-нравственные основы развития современной российской экономики. М.: МГОУ, 2009. 160 с.
12. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности: Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1999. 262 с.
13. Шевченко В.Н. Модернизация российского общества или особый путь развития // *Современное государство, социум, человек: российская специфика*. М.: ИФРАН, 2010. С. 102–154.
14. Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 83 с.
15. Brady, Rose. *Kapitalism: Russia's Struggle to Free Its Economy*. Yale University Press, 2000. 289 p.
16. Goldman, Marshall I. *The Piratization of Russia*. Routledge, 2003. 304 p.
17. Graham, Thomas E. *Russia's Decline and Uncertain Recovery*. N.Y.: Carnegie Endowment, 2002. 103 p.
18. Nussbaum, Martha C. *Frontiers of Justice: Disability, Nationality, Species Membership*. Harvard University Press, 2006. 487 p.

References

1. Bodrijjar Zh. Obshhestvo potreblenija. Ego mify i struktury [the consumer Society. Its myths and structures]. Moscow: Respublika; Kul'turnaja revoljucija, 2006, 269 p.
2. Bojko S.V. Nravstvenno-jeticheskie programmy sovremennogo obshhestva po-treblenija [Moral-ethical programs of the contemporary society through consumption]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research]. 2013. no 6, pp. 1272-1276.
3. Veber M. Politika kak prizvanie i professija [Politics as a vocation]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected volumes]. Moscow: Progress, 1990, pp. 644- 706.
4. Gusejnov A.A. Moral' i rynek [Morality and the market]. *Kul'tura rossijskogo predprinimatel'stva* [Culture of Russian pre-entrepreneurship]. Moscow, 1997, pp. 189-199.
5. Demina I.N. Cennosti rynochnoj jekonomiki kak «jadro» jekonomicheskoj mas-sovoj kommunikacii [The values of the market economy as the «core» economic Mass communication]. *Izvestija Irkutsk. gos. jekonomich. Akademii* [News of Irkutsk State Economical Academy]. 2013, no 2, pp. 124-128.

6. Magun V.V. Kak menjalis' rossijskie trudovye cennosti [How Russian labor legislation varied]. Otechestvennye zapiski [Motherland notes]. 2007, no. 3, pp. 98-117.
7. Mur Dzh. Principy jetiki [The principles of ethics]. Moscow: Progress, 1984, 327 p.
8. Rassadina T.A. Transformacii tradicionnyh cennostej rossijan v postperestroechnyj period [Transformation of traditional values of Russians in postperestroika period]. Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]. 2006, no. 9, pp. 95-101.
9. Ruzhencev S.E., Smirnov A.V. Dualizm politicheskoj kul'tury Rossii [the Dualism of Russian political culture]. Demokratija: konfliktnost' i tolerantnost'. Kollektivnaja monografija [Democracy: conflict and tolerance]. Voronezh: Voronezh State University, 2002, pp. 173- 186.
10. Ruzhencev S.E. Jeticheskie problemy social'no-jekonomicheskij otnoshenij sovremennoj Rossii [Ethical problems of socio-economic relations in modern Russia] Novoe slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobacija rezul'tatov issledovanij [New word in science and practice: testing hypotheses and research results]. 2015, no. 18, pp. 154- 158.
11. Salihov B.V. Duhovno-nravstvennye osnovy razvitija sovremennoj rossij-skoj jekonomiki. [Spiritually-moral bases of development of modern Russian economy]. Moscow: MGOU, 2009, 160 p.
12. Soros Dzh. Krizis mirovogo kapitalizma. Otkrytoe obshhestvo v opasnosti [The crisis of world capitalism. Open society in danger]. Moscow: INFRA-M, 1999, 262 p.
13. Shevchenko V.N. Modernizacija rossijskogo obshhestva ili osobyj put' razvi-tija [The modernization of Russian society, or a special way to the development]. Sovremennoe gosudarstvo, socium, chelovek: rossijskaja specifikaja [Modern state, society, people: the Russian specifics]. Moscow: IFRAN, 2010, pp. 102-154.
14. Jasin E.G. Modernizacija jekonomiki i sistema cennostej [Economic modernisation and system of values]. Moscow: GU VShJe, 2003, 83 p.
15. Brady Rose. Kapitalism: Russia's Struggle to Free Its Economy. Yale University Press, 2000, 289 p.
16. Goldman Marshall I. The Piratization of Russia. Routledge, 2003, 304 p.
17. Graham Thomas E. Russia's Decline and Uncertain Recovery. N.Y.: Carnegie Endowment, 2002, 103 p.
18. Nussbaum Martha C. Frontiers of Justice: Disability, Nationality, Species Mem-bership. Harvard University Press, 2006, 487 p.